

Видео социо

HEATH C., HINDMARSH J., LUFF P. (2010). VIDEO IN QUALITATIVE RESEARCH: ANALYSING SOCIAL INTERACTION IN EVERYDAY LIFE. LONDON: SAGE. 173 P. ISBN 9781412929424

Андрей Корбут*

Аннотация. В рецензии анализируется книга «Видео в качественных исследованиях», которая помещается в широкий круг вопросов, связанных с возможностью исследования социальной реальности методами видеонализа.

Ключевые слова. Видеонализ, социальный порядок, этнометодология.

Книга Кристиана Хита, Йона Хиндмарша и Пола Лаффа «Видео в качественных исследованиях: анализ социальных взаимодействий в повседневной жизни» — не только первое систематическое введение в технические аспекты использования видео для изучения социальной жизни, но и первое пособие по этнометодологическому видеонализу. Авторы не скрывают свою ориентацию и на первых же страницах признаются в том, что их отправная теоретическая точка — «этнометодология и разговорный анализ» (р. vi). Эта концептуальная привязка очень любопытна, поскольку видеозаписи уже давно использовались в этнометодологии. Одними из первых, кто начал использовать видео в этнометодологических исследованиях обыденных практик, были Гарольд Гарфинкель и Стейси Бёрнс (совместное исследование лекционной практики: Burns, 2012 [исследование проводилось в 1977–1978 годах]), Алек Макхουλ (исследования формальной коммуникации в школьных классах: McHoul, 1978), Чарльз Гудвин (исследование взаимной ориентации говорящего и слушающего в ходе разговора: Goodwin, 1980), Роберт Маккей (исследование работы преподавания во время школьных уроков: MacKay, 1978). Однако еще раньше (как минимум с начала 70-х) Гарфинкель начал использовать видео для записи своих исследований, как это было в случае исследования демонстрации галилеевского эксперимента со свободно падающими телами (Garfinkel, 2002: 263–285; Rawls, 2002: 46–48). Рецензируемая книга — хороший повод задаться вопросом о том, в каких отношениях находятся этнометодология и видео, поскольку прояснение этих отношений важно не только для понимания дальнейших направлений этнометодологических исследований, но и для объяснения (и возможного переопределения) современного положения социальных наук в целом.

В последние годы появилось несколько книг, посвященных методологии и практике применения видео в изучении социальных взаимодействий (Video analysis,

---

* **Корбут Андрей Михайлович** — научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ. E-mail: korbut.andrei@gmail.com

© Корбут А.М., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

2006; Video interaction analysis, 2009). Кроме того, выходит все больше журнальных публикаций на эту тему¹. Среди этого разрастающегося круга видеоориентированных исследований этнометодологические работы занимают одно из лидирующих мест. Отражает ли такое усиление позиций видеоориентированных исследований некоторые основополагающие принципы этнометодологии или оно, напротив, ведет этнометодологию в тупик механической ремесленности? Если извлечь этот вопрос из потенциально опасного контекста внутриэтнометодологического выяснения отношений, то он может оказаться отправной точкой для анализа ряда ключевых идей, важность которых выходит далеко за рамки этнометодологической «секты». Если переформулировать один из тезисов авторов рассматриваемой книги, который звучит так: «Видео схватывает версию события, как оно происходит» (р. 5), следующим образом: «Видеоданные представляют специфические детали естественно протекающего события»², мы обнаружим три важные темы: «данные», «детали» и «естественность», которые постоянно присутствуют в виде терминов этнометодологического словаря, однако сравнительно нечасто становятся предметом методологического рассмотрения. Эти темы важны и с точки зрения оценки того, что этнометодология может предложить (и предложила) для социальных наук. Уже в ходе одной из первых задокументированных «битв» этнометодологов с традиционными социологами — симпозиуме по этнометодологии в Университете Пердью — все эти вопросы были на повестке дня³, поскольку они касались не только понимания того, что такое этнометодология, но и оснований социологии. Поэтому в дальнейшем я попытаюсь отнестись к книге Хита, Хиндмарша и Лаффа не столько как к техническому пособию (эту функцию она выполняет безупречно⁴), сколько как к методологическому высказыва-

---

1. В качестве примера можно отослать к свежему номеру журнала «Качественные исследования», посвященного теме «Видеоанализ и видеогRAFия: методология и методы» (Qualitative Research. Vol. 12. № 3).

2. Разумеется, адекватность и оправданность такой переформулировки остается исключительно на моей совести. Авторы книги, хотя они и используют на всем ее протяжении употребленные мной термины, тем не менее применяют их для своих практических целей, которые лишь частично совпадают с моими.

3. Приведу лишь один, сам по себе крайне любопытный, пример. В какой-то момент в дискуссии возникла тема данных. После того как Харви Сакс сказал: «Ну, во-первых, так получается, что никто никогда не работал с такими данными [записями обыденных разговоров]», один из участников — Теодор Андерсон — задал ему вопрос: «...каким таким особым образом вы работаете с данными, не так, как с ними работают остальные?». Реакция Сакса показывает, что собеседник не понимает, о чем в данном случае идет речь: «Ну, прежде всего я не считаю данными то же самое, что вы» (Proceedings, 1968: 43). В ходе дальнейшего обсуждения становится понятно, что отличие состоит не просто в ином способе обращения с данными, а в том, что данными для этнометодологии оказывается то, что не признается в качестве таковых в традиционной социологии: записи естественно протекающих взаимодействий. Дэвид Саднау, включившийся в обсуждение, формулирует это так: «Нас интересует изучение вещей, как они происходят в их естественной среде, а не в виде ответов на возможные вопросы интервьюера» (Proceedings, 1968: 44). Обратите внимание на близость терминов у Саднау и авторов рецензируемой книги (в оригинале там и там используются синонимичные слова: «occur» и «happen»).

4. Техническая компетенция авторов в области видеоанализа несомненна и огромна. Все трое являются сотрудниками исследовательской группы «Работа, интеракция и технология», базирующейся в лондонском Кингс-колледже (www.kcl.ac.uk/wit). На протяжении многих лет они занимаются изуче-

нию. Тем самым я, очевидно, неправильно прочитаю книгу, поскольку и по своему содержанию, и по своей структуре она представляет собой учебное пособие⁵. Однако такое неправильное прочтение, как мне кажется, будет более полезным, поскольку то, что представляют авторы, слишком легко принять за готовый ответ, в то время как это серия вопросов, многие из которых ведут очень далеко. Видеоанализ ни в коем случае не следует рассматривать как процедуру, которая имеет свое устройство и может быть применена для определенных целей. Вся книга показывает: то, как делается видео, и то, что делается с видео⁶, — очень тесно связанные вещи. И если авторы сконцентрировались в основном на первом, то я остановлюсь на втором.

Прежде всего необходимо разобраться с тем, что такое «детали». Тем более что авторы постоянно указывают в качестве бесспорного достоинства видео то, что оно предоставляет беспрецедентные возможности детального анализа взаимодействий: «Аудиовизуальные записи предоставляют уникальный доступ к деталям социального действия» (р. 1). О каких деталях идет речь? Или лучше: о каких деталях *не* идет речь? Под деталями понимаются не «переменные», которые может зафиксировать социолог. В большинстве случаев детали социального взаимодействия, на которые может и готов указать социальный ученый, — это те детали, которые позволяет выявить его методология. Используемые им методы предполагают определенные детали наблюдаемых действий и взаимодействий в качестве результата и основания его суждений о том, что происходит. Детали-переменные могут переводиться в цифры, хотя необязательно. В наиболее мягком случае для исследователя детали являются *иллюстрацией* определенных аспектов повседневного общества. В наиболее жестком случае они превращаются в *знаки* этого общества. Но в обоих случаях область обычных взаимодействий воспринимается в качестве однородной, равномерно заполненной и неупорядоченной. Любая организация, которая может демонстрироваться повседневным обществом, возможна только как методологическая организация исследовательской практики. Выявление, упорядочивание и анализ деталей понимается как выявление, упорядочивание и анализ данных, полученных в процессе исследования. Это возможно, только если исследователь рассматривает детали как видимость, внешнюю, наблюдаемую сторону повседневного общества, за которой скрывается «главный», невидимый порядок. Поскольку у остальных членов общества доступа к этому порядку нет (они погружены в него, не отдавая себе в этом отчета), его может предоставить только социологическая методология. Таким образом, методологиче-

---

нием повседневных взаимодействий в самых различных местах: метрополитенах, музеях, аукционах, поликлиниках и пр. Практически во всех своих проектах они использовали видеоданные.

5. Структура книги стандартна: после вводной главы, посвященной истории и основным проблемам видеоанализа в социальных науках, авторы последовательно рассматривают стадии исследования в соответствии со схемой, включающей 4 этапа (р. 34–35): подготовка → предварительная полевая работа и сбор данных → основное исследование → презентация результатов. Завершается книга обсуждением значения и применения видеоанализа. Учебный характер изложения подчеркивается еще и тем, что в конце каждой главы суммируются ее ключевые моменты, приводится список рекомендуемой литературы и дается одно небольшое упражнение.

6. Я здесь не имею в виду вопрос о том, как анализировать видеоданные. Авторы хорошо показывают, как это делать. Меня интересует вопрос о связи видеоданных с исследовательской практикой и политикой.

ский порядок замещает социальный порядок в качестве его «представителя на земле» и затем проецируется обратно на детали повседневного общества. Эта обратная проекция нужна, поскольку в ее результате детали упорядочиваются в распознаваемые структуры и вся область обыденных социальных взаимодействий приобретает характер проявлений социального порядка.

Казалось бы, такое понимание деталей как переменных имеет уже устоявшуюся альтернативу, которая утверждает смысловую (а не методологическую, т. е. связанную с правильностью выполнения процедуры) объективность повседневного общества и его независимость от представлений и понятий исследователя. В этом случае в качестве деталей рассматривается *все*, что можно обнаружить в результате исследования. Любые высказывания или поступки людей становятся демонстрацией *их* понимания окружающего мира, других и самих себя. Однако альтернатива здесь кажущаяся, поскольку, как и в первом случае, детали рассматриваются прежде всего как способ доступа к скрытому социальному порядку. Независимо от того, обнаруживается ли этот порядок в переменных или в словах самих членов общества, детали их поведения становятся предметом исследовательских усилий, поскольку они изначально непонятны и не демонстрируют признаков организации. В первом случае организация появляется вследствие последовательного применения методологии, во втором — вследствие конструктивных действий членов общества. Но, повторю, *изначально* организации нет. Есть лишь бессмысленный набор деталей (что-то вроде социального конструктора).

Для обоих подходов детали, которые можно снять с помощью видео, не имеют особой ценности. Точнее, видео кажется способом получения доступа к скрытому порядку, требующим тем самым изначального решения о том, что и как будет сниматься. Для исследователей, обращающихся с деталями как переменными или иллюстрациями, идея снимать все подряд как минимум подозрительна, поскольку *в деталях порядка нет*. Нам все равно необходимо его там обнаружить. Авторы рецензируемой книги отчасти тоже придерживаются данной точки зрения, поскольку они разводят процедуры сбора данных и процедуры их анализа. Это позволяет рассматривать «видеоданные» как нечто нейтральное. Несмотря на постоянное подчеркивание избирательности исследователя на всех этапах его работы (р. 37, 66, 118 и пр.), авторы полагают, что «одно из преимуществ видеозаписей по сравнению с другими формами социально-научных данных состоит в том, что один и тот же материал можно рассматривать, руководствуясь различными интересами и аналитическими предпочтениями» (р. 62). Записи становятся «материалом», а их избирательность — технической проблемой выбора оборудования, его установки и следования своим методологическим допущениям.

Подлинную, радикальную альтернативу двум указанным подходам можно сформулировать только в том случае, если детали будут рассматриваться в качестве эндогенных свойств социального порядка, т. е. если социальный порядок будет заключаться в производстве и узнавании деталей его производства. Тогда детали будут становиться деталями только внутри той практики, деталями которой они являются. Гарфинкель говорит об «идентифицирующих», «специфицирующих» деталях (Garfinkel, 2002: 70, 71, 104, 151, 192, 221–223 и др.), уточняя: «„Идентифицирующий“ вводит в заблуждение.

Я использую его в качестве сборного термина для других членов его семейства, которые тоже вводят в заблуждение относительно этнометодологических исследований, например, определяющий, сущностный, генетически сущностный, парадигмальный, критериальный, примитивный, начальный, первичный, схема, идеал, идеальный тип, Uhr-то-и-это и т. д. „Идентифицирующий“ — это временный заместитель той работы, которую он описывает, будучи этнометодологически респецифицированным. Пока я использую его как описательный термин естественного языка. Он отсылает к работе, для описания которой *in vivo* он используется. Заблуждение не должно быть неизбежным» (Garfinkel, 2002: 130). Гарфинкель говорит о деталях, которые сущностны для той или иной практики и составляют ее порядок. Это детали различимы только изнутри практики и только как детали ее производства. Работа практиков заключается в методическом производстве, оценке, анализе, критике и пр. идентифицирующих деталей их практики в локальных наблюдаемых действиях. Иными словами, детали повседневного общества являются специфицирующими в той мере, в какой каждый носитель определенной практики способен идентифицировать эти детали как ее специфически-методические детали. Детали всегда «погружены» в методы их производства и вместе с этими методами составляют неизменный предмет обыденных, тривиальных, само собой разумеющихся забот рядовых членов общества.

Указанное соотношение методов производства и опознания деталей и самих деталей создает сложность для тех, кто пытается использовать видеоанализ для изучения естественно протекающих социальных взаимодействий. Эту сложность Гарфинкель обсуждает в рамках того, что он называет «tutorial problems» — «учебными» или «педагогическими» проблемами (Garfinkel, 2002: 145–168). Я рассмотрю только один из описываемых им случаев, хотя другие тоже касаются обсуждаемой здесь темы. Этот случай — демонстрация Билла Брайанта. Брайант — один из студентов Гарфинкеля — придумал и осуществил следующий «эксперимент»: экспериментатор садится за стол, на котором расположен метроном. Метроном запущен. Также на столе находится магнитофон с выносным микрофоном. Запись включена. Рядом со столом стоит видеокамера, направленная на экспериментатора и метроном (к камере подключены цифровые часы, показания которых остаются на пленке). Она тоже включена. Оборудование настроено так, что экспериментатор слышит и видит все, что происходит за столом, в режиме реального времени. Задача экспериментатора — хлопать в ритм с метрономом. Вопрос: схватывают ли все указанные (и любые другие возможные) способы записи детали данной практики? Ответ очевиден. На первый взгляд — и именно в этом, похоже, заключается «урок» данной демонстрации — живая работа хлопанья упускается любой формой записи. Благодаря записи все происходящее может быть определено исходя из арифметических свойств часового времени. Соответственно, детали, которые фиксирует запись, — это детали *самой записи*. Посредством записи реальная работа хлопанья преобразуется в формальную схему. Однако сама эта работа строится не исходя из логики записи. Доказать это очень просто: попробуйте хлопать одновременно с метрономом, так, чтобы не слышать его. Это возможно! То есть можно хлопать в ритме метронома, не слыша его. Это означает, что работа хлопанья осуществляется не по подсказке метронома. У нее другие основания. Однако на записи этого *не* видно. Детали записи показывают, что хлопающий хлопает в

соответствии с метрономом. Следовательно, любая запись превращает локальную воплощенную работу производства феноменов порядка с формальную, счетную, бесконечно детализируемую схему этой работы.

Но с другой стороны, как сам Гарфинкель, так и многие его единомышленники утверждают, что специфицирующие деталей практики — это целиком и полностью конкретные аудиовизуальные детали, которые можно схватить только посредством видеозаписи. Например, в своем исследовании чтения вводной лекции по химии, которое (исследование) было основано на этнографических данных, Гарфинкель постоянно отмечает необходимость тщательного анализа видеозаписей для выявления локальных феноменов порядка лекционной практики: «...необходимы анализируемые аудио- и видеодокументы. Вопросы производства структуры могут быть намечены с помощью этнографических материалов, но не решены. Их нельзя серьезно идентифицировать, сформулировать или разрешить с помощью этнографических материалов» (Garfinkel, 2002: 220). Для исследования лекционной практики «видеозаписи были бы *sine qua non*» (Garfinkel, 2002: 244). Другой этнометодолог, Дуглас Макбет, указывает, почему видео так важно: «Видеозапись предоставляет основание для технического изучения повседневных сцен в процессе их разворачивания и, более того, для осуществления минимально умозрительного анализа, анализа, который избегает использования выводов в качестве ресурсов для получения результатов, вместо этого работая с публичными, наблюдаемыми деталями записи. Такой анализ — и в этом может состоять его отличительная черта — позволяет через обыденность сцен получить доступ к глубинным структурам порядка» (Macbeth, 1990: 192). Гарфинкель с Макбетом в своем отношении к видео не уникальны — практически все этнометодологи использовали видеозаписи для анализа «структур порядка». Нет ли противоречия между актуальной практикой этнометодологов и приведенной выше обучающей демонстрацией? Я бы ответил так: это противоречие становится противоречием только в том случае, если мы разрываем видеозапись и структуры порядка, изучаемые с ее помощью. Аргумент Гарфинкеля при описании приведенного выше случая заключается в том, что запись и реальная работа образуют неразрывную пару. «Их двое; они связаны; они вынуждены ладить друг с другом, неизбежно и неисправимо; они вынуждены ладить друг с другом посредством локально воплощенного осуществляемого на рабочем месте опосредованного оборудованием производства двух...» (Garfinkel, 2002: 153). Если формулировать это в виде исследовательской максимы, то она может звучать так: «Анализируй видео, не отходя от кассы». «Касса» в данном случае — как и в исходной фразе — это рабочее место производства феноменов порядка. Видео должно *постоянно* соотноситься с локальными упорядоченностями практики, свидетельствуемыми в слышимых-видимых деталях ее производства. Свести одно к другому нельзя, но и оторвать одно от другого нельзя. Видео — не источник деталей, как это может показаться после прочтения книги Хита, Хиндмарша и Лаффа. Видео — инструмент их обнаружения и анализа. Да, если использовать «детали» как термин естественного языка, то можно сказать, что видеозапись предоставляет больше деталей, чем, допустим, этнографическое описание, однако если мы этнометодологически респецифицируем «детали» как идентифицирующие свойства или упорядоченности той или иной практики, тогда видео становится *единственным*

инструментом фиксации, анализа и представления «данных», касающихся аудиовизуальных особенностей естественной организации человеческой деятельности. И хотя видео не способно обеспечить ту материальную глубину детализации, которая реализуется *реальными* людьми в *реальных* действиях⁷, анализ видеозаписей позволяет создавать такие описания, которые демонстрируют объяснимость практики в материальных деталях ее производства *без утраты* специфики этой практики. Я говорю «позволяет», поскольку это происходит не всегда. Основная проблема рассматриваемой книги, как мне кажется, состоит в том, что описывая ту или иную практику (практику анестезиологов, хирургов, диспетчеров метрополитена, посетителей музея и др.), авторы *утрачивают* ее, поскольку обсуждаемые ими детали — это счетные детали записи, а не идентифицирующие детали практики. Этот пример служит еще одним подтверждением того, что производимый в своих неискоренно конкретных аудиовизуальных деталях социальный порядок может быть схвачен в своей аудиовизуальности лишь посредством видео, но специфическая, производимая *in situ* работа производства его упорядоченностей может быть только осуществлена (в идеале — самим исследователем).

Как уже отмечалось выше, такой подход требует иной трактовки «данных». Описание и анализ сущностных деталей конкретной обыденной практики ставят вопрос о том, что может выступать в качестве таковой. Этнометодологический ответ — естественно протекающая обыденная деятельность — требует респецификации «естественности». Принципы этнометодологической исследовательской политики предполагают, что «наш интерес распространяется на любые мыслимые изыскания, от гадания до теоретической физики, как социально организованные искусные практики» (Garfinkel, 1967: 32). Подойдет *любая* практика, поскольку в каждой практике совершается живая работа производства феноменов порядка здесь и сейчас. Следовательно, нельзя утверждать, что есть некие «неестественные» практики. Каждая практика, включая социологию, может быть рассмотрена в плане специфического для нее «управляемого осуществления организованных ситуаций практического действия» (Garfinkel, 1967: 32). То есть в любой практике следует выявлять идентифицирующую ее естественность. Эта естественность носит локальный характер, поэтому она не имеет ничего общего с любыми возможными универсальными характеристиками «естественной установки повседневной жизни», которые пытался описывать, например, Альфред Шюц. Естественность естественна лишь для *данной* практики, и способность ее производить и опознавать в деталях действий составляет компетенцию носителей этой практики. Рецензируемая книга прекрасно иллюстрирует необходимость всякий раз исходить из *конкретного* материала. Формулируя принцип «первичности записанных данных» (с. 107), авторы делают отправной точкой своего анализа не конструкцию практики, созданную исследователем, а *саму* практику, в ее записанных деталях. И хотя запись обыденных упорядоченных действий не совпадает с самими этими действиями, это не значит, что она совпадает с аналитической теорией этих действий. Беря в качестве предмета анализа самые разные повседневные ситуации (от неспециализированных, вроде похода в музей, до высокоспециализиро-

7. И которая, следует добавить, может быть обеспечена только при соблюдении этнометодологического требования уникальной адекватности метода.

ванных и технологически опосредованных, вроде управления поездами лондонского метрополитена), авторы демонстрируют, что все эти среды могут быть рассмотрены в их естественности, т. е. исходя из их уникальной упорядоченности и без вынесения суждения об их адекватности, логичности, правильности, последовательности, ошибочности, эффективности и т. д.

Однако — и здесь появляется шанс для видео как инструмента анализа — специфическая и специфицирующая организованная естественность обыденных практик наделяет события осуществления этих практик свойством «видимости, но не замечаемости»⁸. Таков еще один смысл «естественности» в этнометодологии. Само собой разумеющийся характер практики при этом не означает, что практикующие следуют определенным правилам, не отдавая себе в этом отчета. Напротив, их практика рефлексивна, поскольку объяснимость и описуемость их действий заключается не в соответствии некоему набору правил, а в наблюдаемой рефлексивности этих действий, доступной всем компетентным носителям практики в качестве идентифицирующего механизма производства их обыденных сред мышления и действия. Но это означает, что исследователь, во-первых, должен быть способен опознавать такую естественность, т. е. владеть ею как предметом практических забот, и во-вторых, что он должен использовать доступные ему инструменты (включая видеозаписи) для превращения знакомости конкретной практики в *тему* его анализа. Посредством видео, которое можно воспроизводить бесконечное количество раз, останавливать, масштабировать, практика (в ее записываемых деталях) замедляется настолько, что запись становится *тематическим указателем* уникальных специфицирующих упорядоченностей этой практики. Майкл Линч говорит об этой же особенности аудиозаписей в разговорном анализе: «Для этнометодологии принципиальное преимущество магнитофонных записей состоит не в том, что они предоставляют прямой или непосредственный доступ к внешнему миру разговорной деятельности, а в том, что они выступают в роли необычайно детальных *напоминаний* о том, что мы уже делаем, как нечто само собой разумеющееся... Исследование — это не вопрос наблюдения и анализа прежде неизвестных порядков вещей, а скорее, вопрос обзора, артикуляции и свежего (как мы надеемся) взгляда на то, что мы (и/или те, кого мы изучаем) уже знаем» (Lynch, 2002: 534–535). Естественно протекающие социальные действия не являются чем-то незнакомым, тем, что мы должны познать в результате аудио- или видеоориентированного исследования. Принцип «сначала снимем, а потом проанализируем» опасен не потому, что он оставляет исследователя наедине с бессистемным набором записей, в которых можно разобраться только при наличии теоретической перспективы (которая, мог бы добавить критик, должна быть [и есть] изначально, потому что иначе нельзя понять, *что* и *как* снимать). Проблема в том, что он предполагает изначально неестественность изучаемой практики, которая посредством видео становится знакомой. Этнометодологическая же исследовательская политика заключается в прояснении характера и методов производства и поддержания *знакомости* той или иной практики. Для этого нам не нужно иметь теоретическую лупу. Для этого нам нужно использовать видеозаписи в качестве детальных, аудиовизу-

---

8. Термин Гарфинкеля (Garfinkel, 1967: 36).

альных ссылок на реальные, воплощенные практические осуществления локальной производящей когорты (к которой, повторюсь, в идеале должен принадлежать и сам исследователь).

Таким образом, «видеоданные», с которыми имеют дело этнометодологи, не отражают практику и не предоставляют доступ к ее скрытому порядку, а являются результатом той естественно организованной и локально протекающей деятельности, в которую вовлечены изучаемые люди. В качестве такого результата эти данные представляют собой упорядоченные аудиовизуальные детали практики, доступные (актуально) как самим участникам, так и (столь же актуально) исследователю. Видеоданные — это *не* аудиовизуальные детали, но это их «изнанка», второй элемент неразрывной пары. В этом качестве они допускают такую детальную демонстрацию *того, что уже известно* о данной практике ее участникам, какую не допускают любые другие способы описания: тексты, рисунки, фотографии, аудиозаписи. Видео позволяет представлять больше специфицирующих деталей — именно в этом заключается его преимущество, не больше, но и не меньше.

Затронутые выше проблемы могут определять практику и политику не только этнометодологических исследований, но и социальных наук в целом. Любая социальная наука имеет дело с данными, и эти данные как-то соотносятся с деталями повседневной практики. Например, опрос позволяет собирать, обрабатывать и анализировать ответы респондентов, которые производятся в специфических ситуациях взаимодействия. Это же касается *всех* данных, с которыми работают социальные ученые. Не ставя под вопрос достижения и методы социальных наук, этнометодология делает своим предметом локальную упорядоченность аудиовизуальных деталей обыденных ситуаций деятельности. Помощь видео в этом процессе незаменима. Не будучи замесителем и нейтральным отражением реальной ситуационной работы производства порядка, видеозапись является ценным *педагогическим* инструментом, позволяющим *замечать* обыденные структуры порядка и *обучать* им тех, кто с ними не знаком. Рецензируемая книга в этом отношении лишь частично претворяет в жизнь этнометодологическую политику. Книга насыщена⁹ *детальными* изучаемых авторами практик, и в этом ее несомненное достоинство, но она упускает *естественность* этих практик для самих участников, и в этом ее слабость. Показывая, как можно осуществлять изучение практического действия, она игнорирует сами искусства практического действия, которые производят эндогенные феномены, превращаемые авторами посредством видеозаписей в материал для последующего анализа. Только *полностью* подчинив видеоанализ задаче поиска, изучения, овладения и описания искусств практического действия, мы (социальные ученые, включая Хита, Хиндмарша и Лаффа) получим возможность изучения социального порядка как эмпирического феномена.

---

9. Не в духе Гирца. Гирц выдвигал требование построения насыщенных описаний путем соотнесения конкретных практик со «множеством сложных концептуальных структур» (Гирц, 2004: 16). Этнометодологическая политика требует насыщения описаний специфицирующими деталями.

Литература

- Гириц К. (2004). Интерпретация культур / пер. с англ. О.В. Барсуковой и др. Москва: Российская политическая энциклопедия.
- Burns S.L. (2012). «Lecturing's work»: a collaborative study with Harold Garfinkel // *Human Studies*. Vol. 35. № 2. P. 175–192.
- Garfinkel H. (1967). *Studies in ethnomethodology*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Garfinkel H. (2002). *Ethnomethodology's program: working out Durkheim's aphorism*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Goodwin C. (1980). Restarts, pauses, and the achievement of a state of mutual gaze at turn-beginning // *Sociological Inquiry*. Vol. 50. № 3-4. P. 272–302.
- Lynch M. (2002). From naturally occurring data to naturally organized ordinary activities: comment on Speer // *Discourse Studies*. Vol. 4. № 4. P. 531–537.
- Macbeth D. (1990). Classroom order as practical action: the making and un-making of a quiet reproach // *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 11. № 2. P. 189–214.
- MacKay R.W. (1978). How teachers know: a case of epistemological conflict // *Sociology of Education*. Vol. 51. № 3. P. 177–187.
- McHoul A. (1978). The organization of turns at formal talk in the classroom // *Language in Society*. Vol. 7. № 1. P. 183–213.
- Proceedings of the Purdue Symposium on Ethnomethodology. (1968) / ed. R. J. Hill and K. S. Stones Crittenden. Lafayette: Purdue University.
- Rawls A.W. (2002). Editor's introduction // *Garfinkel H. Ethnomethodology's program: working out Durkheim's aphorism*. Lanham: Rowman & Littlefield. P. 1–64.
- Video analysis: methodology and methods: qualitative audiovisual data analysis in sociology. (2006) / ed. H. Knoblauch et al. Frankfurt am Main; New York: Peter Lang.
- Video interaction analysis: methods and methodology. (2009) / ed. U. T. Kissmann. Frankfurt am Main; New York: Peter Lang.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 11. № 2
2012

ISSN 1728-192X (Print)

ISSN 1728-1938 (Online)

Интернет-версия журнала: sociologica.hse.ru

Адрес редакции: puma7@yandex.ru

Главный редактор

Александр Фридрихович Филиппов

Заместитель главного редактора

Марина Геннадиевна Пугачева

Члены редколлегии

Светлана Петровна Баньковская

Виктор Семенович Вахштайн

Дмитрий Юрьевич Куракин

Ирина Максимовна Савельева

Андрей Михайлович Корбут (Беларусь)

Джеффри Александер (США)

Эдуард Надточий (Швейцария)

Редактор интернет-сайта

Наиль Галимханович Фархатдинов

Литературный редактор

Каринэ Акоповна Щадилова

Корректор

Инна Евгеньевна Кроль

Компьютерная верстка

Андрей Михайлович Корбут